

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРИТЧА

Грузинский театр имени Котэ Марджанишвили

Сцена Грузинского театра имени Котэ Марджанишвили в этот вечер являет собой причудливое сочетание античности и современности. Первая представлена элементами древней, слегка стилизованной архитектуры и скульптурными портретами римских императоров. Вторая — множеством разнообразных клеток, в которых словно уснули обыкновенные куры-несушки. Пока действие пьесы еще не началось, художник Георгий Гуния с благословения режиссера Нугзара Гачавы пользуется случаем, чтобы сосредоточить наше внимание на этом пейзаже. В нем точно прочитывается их общий образный замысел, вытекающий из замысла Фридриха Дюрренматта — автора «исторической недостоверной комедии» «Ромул Великий», уделившего особое внимание необычайному пристрастию последнего римского императора к куроводству. Ромул Великий сознательно приговорил себя самого к смерти, а Рим — к падению. И все лишь потому, что презирает империю, постоянно покушающуюся на свободу личности, требующую все новых жертв от окружающих во имя самоутверждения.

И хотя Дюрренматт подчеркивает, что в его генеалогическом древе не следует искать брехтовских корней, «Ромул Великий», написанный еще в 1948 году, явно испытывает на себе влияние политического театра Б. Брехта. Разве не угадывается здесь ситуация, только что пережитая тогда гитлеровской Германией, когда перед каждым человеком возникала дилемма: служить ли и дальше опорой государству, обвяляющему насилие и разбой своей официальной программой, или способствовать его падению?

Парадоксальная ситуация у Дюрренматта заключена в образе самого римского императора. Ромул боится не германцев. В их полководце князе Одоакре он видит союзника, способного покончить с Римской империей. Куда страшнее для Ромула не в меру ретивые патриоты, озабоченные только одним — собственным благополучием.

«Ромул Великий» — пьеса сложная, доступная далеко не каждому коллективу. Наш театр всего второй раз обращается к ней, хотя другие произведения Дюрренматта — «Физики» и «Визит дамы», например, шли широко и успешно. Отправляясь к марджановцам, я испытывал двойственное чувство. С одной стороны, мне предстояло увидеть одного из самых интересных современных актеров Отара Мегвинетухуцеси в пьесе, которую я знаю и люблю давно. С другой — не просто смотреть,

не зная языка, спектакль, где нет почти никакого внешнего действия, где все решает слово, где недостаточно улавливать общий смысл, потому что многое зависит от нюансов.

Моим помощником с первых же реплик стал... зрительный зал. Он заметно помолодел. И оттого, что был переполнен, не казался, как прежде, слишком большим. Напротив, вдруг обнаружилось: он вовсе невелик, этот зал, где в разные годы я имел счастье видеть Верико Анджапаридзе, Сесиль Такашвили, Серго Закариадзе, Васо Годзиашвили, Сандро Жоржолиани...

Между сценой и залом чья-то невидимая рука (конечно, режиссерская) словно бы натянула тонкую теннисную сетку, и начался поединок идей. Мегвинетухуцеси важно, чтобы смысл слов его героя дошел во всей полноте до тех, кто сидит в зале. Они — потенциальные единомышленники Ромула куда в большей степени, чем его жена Юлия (Г. Габуния) или дочь Рея (Н. Чиквинидзе), не говоря уже обо всех остальных.

О. Мегвинетухуцеси ведет роль нарочито замедленно. Все куда-то спешат, зачем-то торопятся, чего-то добиваются. Ромул — Мегвинетухуцеси единственный, кто сохраняет в этой суете сует поистине олимпийское спокойствие. Меньше всего актер заботится о том, чтобы герой его был отмечен печатью особого, императорского величия. Ромул действительно происходит из знатного рода, и потому ему не нужны уроки актерского мастерства: царственность у него в крови. Ромул держится проще всех, и это, пожалуй, единственное, что отличает римского императора от его подданных. У него умные, немного лукавые, добрые глаза. Говорит он тихо, в полемику вступает охотно, делает это легко, как бы между прочим, всегда отвечает остро, точно и впопад.

Аудиторию грузинского театра принято считать особенно эмоциональной. Напряженная тишина и дружный, слегка сдерживаемый смех на представлениях «Ромула Великого» свидетельствуют о готовности зрителей не просто к сопереживанию, но к процессу активного совместного мышления.

Конечно, Дюрренматт написал монопьесу. И если бы в спектакле марджановцев, кроме Мегвинетухуцеси — Ромула, не было других достоинств, он все равно стоил бы немалого. Но в данном случае речь идет о работе, где каждому нашлось дело по сердцу. Потому что режиссер помог актерам угадать свое место.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.